

И.Р. Минуллин

Мусульманские общины в Татарстане в 1920–1930-е годы

В первые годы советской власти вопросам законодательства в отношении религиозных обществ было уделено большое внимание. Это объяснялось в первую очередь необходимостью практического осуществления отделения церкви от государства в тот период. В декретах, постановлениях и инструкциях был четко прописан юридический статус религиозных общин, их новое положение в обществе.

Религиозная община советского времени была полностью зависимым от государства объединением верующих граждан. Ее правовой статус был таков, что только подчеркивал полную ее бесправность и номинальность существования. Юридическое положение религиозных объединений позволяло государству неограниченно контролировать их, препятствовать их регистрации, ликвидировать.

Логика определения юридического и политического статуса мусульманской общины в Советском государстве, в частности в Татарстане, была в целом в духе советского законодательства. В законодательстве РСФСР вообще отсутствовало понятие «мусульманский приход». Единственным документом, определяющим такое объединение, был «Устав духовной организации мусульман РСФСР» (1923) [Копия устава., 1923].

Приход представлял собой объединение мусульман с целью совместного отправления богослужения и обрядов, а также для удовлетворения религиозно-нравственных нужд верующих. Каждая *махалля* ограничивалась определенным районом, границы которого отличались в зависимости от местности. Так, население одного села могло входить в одну *махаллю* с единственной мечетью. Однако в большинстве сел и деревень насчитывалось по 2–3 прихода.

Приход составляло мусульманское население какой-либо местности, включающее лиц обоего пола, достигших 18-летнего возраста. Для решения внутприходских проблем созывалось общее собрание верующих, работа которого строилась по типичному образцу собраний

других обществ: избирался председатель собрания и секретарь, обязательно велся протокол.

Всю работу между собраниями верующих осуществляло приходское управление — *мутавалият*. По уставу, в его обязанности входило обеспечение материального состояния общества, управление приходским имуществом, в том числе надзор за кладбищами, состоянием мечетей и других культовых зданий, заключение договоров на пользование недвижимостью, проведение в жизнь постановлений общих собраний. Такие обязанности резко отличали *махаллю* советского периода от дореволюционной. Полномочия первой ограничивались только религиозными делами, тогда как в сферу деятельности последней входили и мероприятия социального характера.

Тем не менее каждый приход существовал не только на основе Устава духовной организации. С развитием советского религиозного законодательства деятельность мусульманской общины становилась напрямую зависящей от него. В законодательной практике понятие «приход» заменено словом «общество» (религиозное общество), как и другие какие-либо объединения граждан. Религиозное общество могли организовать не менее 50 человек, достигших 18-летия. Согласно Декрету об отделении церкви от государства, религиозные организации лишались права юридического лица, их деятельность ограничивалась удовлетворением исключительно религиозных потребностей верующих, т. е. совершением обрядов. Религиозные общества должны были представить в административные органы протокол собрания учредителей общества, устав и список учредителей. После рассмотрения документов религиозное общество могло быть зарегистрировано в Наркомате внутренних дел.

Таким образом, мусульманский приход с юридической точки зрения являлся обычным религиозным обществом советского типа. Махалля представляла собой объединение мусульман с единственной целью — совместного отправления богослужения и совершения обрядов.

В целом юридический и политический статус религиозных общин практически не менялся до конца 1920-х гг. Постановление Президиума ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» ужесточило процесс регистрации религиозных обществ, их поднадзорность, зависимость от государства, облегчило процесс ликвидации.

Установив юридические основы существования религиозной общины, Советское государство с самого начала ограничило и ее функции. Община могла только устраивать богослужение, обслуживать храм или молельный дом, участвовать в съездах и назначать служителей культа. Но даже эти виды деятельности не были полностью свободны от государственного вмешательства. Община фактически потеряла такие ранее важные функции как просветительская, пропагандистская, благотворительная и др.

Однако до середины 1920-х гг. государство проявляло двойственную позицию к религиозным организациям. Отношение государства к исламу в целом было спокойным. В то время как по отношению к православной церкви совершались такие антихристианские акции, как закрытие монастырей, изъятие огромных материальных средств и т. п., мусульманские приходы остались практически не затронутыми советской экспроприацией. Вообще до 1922 г. ни в отчетах Татарского обкома РКП(б), ни в сводках местного отдела ГПУ, ни в других источниках «мусульманский вопрос» практически не поднимается.

Поэтому, анализируя многочисленные источники, можно сказать, что в 1920-е гг. мусульманская община еще могла функционировать в прежних, дореволюционных, рамках. Например, это касается просветительской функции махалли.

Конфессиональная приходская школа всегда являлась одним из ключевых элементов в структуре татарской махалли. Она не только осуществляла важнейшую для мусульманского мира функцию воспроизводства кадров профессиональных проповедников, но и играла определяющую роль в религиозном воспитании широких масс татарского населения. Учебные заведения имелись практически в каждой общине, при всех соборных и даже при некоторых пятивременных мечетях.

Поэтому и после 1917 г. развитие мусульманской школы было важным для существования махалли. После окончания Гражданской войны духовенство приступает к возобновлению мусульманского образования. В это время сложилась сложная ситуация со светским образованием. Дело в том, что школы были сняты с государственного обеспечения и перешли на местное содержание. Финансирование их работы происходило из местных бюджетов. В этих условиях религиозное население с подачи духовных лидеров общин отказывалось содержать учителей и работу советской школы.

Существенно то, что, ввиду большой необходимости получения элементарных начальных знаний, а также из-за закрытия светских школ за недостатком средств мусульманское население положительно воспринимало идею обучения в религиозной школе. Однако в этот период местные органы власти легко справились с такой инициативой административными мерами. К тому же серьезным ударом по активности духовенства стало постановление Наркомпроса РСФСР «О преодолении вероучения в мусульманских школах» от 3 января 1923 г. и декрет ВЦИК о закрытии религиозных школ [Набиев, 1991, с. 83]. Тем временем открываются нелегальные школы, начинается новый этап агитации за свободу преподавания религии, организуется отправка писем от имени верующих.

С начала 1923 г. все мухтасибаты ТАССР провели свои съезды. На основании выработанных предложений можно судить о том, что прио-

ритеты в среде мусульман России после 1917 г. почти не изменились. Главными из них, как и прежде, оставались надежды на независимое образование, свободу вероисповедания и невмешательство государства во внутренние проблемы мусульманских обществ и организаций.

Проходивший в июне 1923 г. в Уфе II Всероссийский мусульманский съезд показал всю сложность отношений между государством и исламским сообществом в стране и трудности выработки компромиссной модели сосуществования. Тем не менее значительным достижением съезда стала уступка, на которую было вынуждено пойти правительство в области религии. Постановление ЦИК и СНК СССР (октябрь 1923) допускало в мусульманских регионах организацию группового преподавания вероучения в мечетях и частных домах в свободное от занятий время лицам, достигшим совершеннолетия по шариату и имеющим образование в объеме 3 классов школы первой ступени.

Отдельные представители духовенства начали организовывать религиозные школы еще в 1924–1925 гг., однако настоящий бум этой кампании приходится на 1926 г. К 1 апреля 1926 г. количество религиозных школ в Татарстане, по официальным данным, достигало 684, и их посещали до 17,5 тыс. учащихся [НА РТ, ф. 3682, оп. 1, д. 1008, л. 129].

Период до 1927 г., с одной стороны, характеризуется некоторым увеличением числа школ, а с другой — ростом открытых требований верующей массой населения свободного, безграничного разрешения вероучения. Разрешение на получение мусульманского образования не свернуло деятельность духовенства в этом направлении. На мухтасибатских съездах постоянно выдвигались требования не ограничивать вероучение стенами мечетей, разрешить использовать специальные здания под школы, не ограничивать возраст и состав учащихся, претворять в жизнь программу ЦДУМ.

На III Всероссийском мусульманском съезде в октябре–ноябре 1926 г. было четко определено, что дальнейшее развитие исламского образования является одной из приоритетных задач в работе Духовного управления. Требования делегатов съезда в этом вопросе сводились к тому, чтобы обеспечить полноценное функционирование института мусульманской школы.

Однако уже к концу года партийные и советские органы Татарстана приняли решение о постепенном запрещении религиозного образования. Уже в 1927 г. число мусульманских школ резко снизилось. Если, по разным данным, в 1926 г. их число достигало 800–1000 с 30 тысячами учеников, то в 1927 г. количество их упало до 150–200, и учеников осталось лишь 6 тысяч.

Это было вызвано рядом причин. Одна из них — наличие многочисленных административных барьеров при открытии, а также репрессивные меры со стороны государства. Во-вторых, сказывался недостаток

в кадрах учителей-мугаллимов, их материальная незаинтересованность, неудовлетворенность программой обучения. Эти причины выделяются в официальных источниках, которые особенно упирают на то, что уменьшению количества религиозных школ способствовал естественный отход населения от религии и неудовлетворенность религиозным образованием. Родители, отдавшие детей в мектебе, подвергались административному и психологическому нажиму со стороны местных партийно-государственных органов, их дети лишались возможности продолжить образование. С другой стороны, мусульманское образование не позволяло быть активным гражданином нового общества, а приверженность к религии отнимала возможность пользоваться социальными благами. По всей видимости, незаинтересованность в религиозном образовании стала основной причиной его спада. Хотя этот момент практически не указывается в источниках неофициального происхождения. Но очевидно, что рано или поздно при массированной идеологической (антирелигиозной) атаке, даже без применения запретительных мер, произошел бы отход основной массы населения от религии (может быть, только внешне) и отказ от религиозных школ.

Работа религиозных школ стала важным условием дальнейшего развития ислама в атеистическом государстве. Они дополняли родительское воспитание и вырабатывали среди младшего поколения мусульманские нравственные принципы. Это в значительной мере позволило осуществить преемственность традиций татарского народа, его обычаев и культуры.

В 1920-е гг. деятельность мусульманских общин развивалась и в других направлениях. Мусульмане пытались организовать благотворительную помощь, несмотря на то что эта сфера была достаточно сужена из-за запрета и слабого материального положения. Некоторые мусульманские приходы и духовенство создавали из приходских поступлений особый фонд, из которого оказывалась экономическая помощь нуждающимся семьям, вдовам и сиротам.

В 1926 г. в Чистополе организуется касса взаимопомощи, откуда беднякам, систематически посещающим мечеть, выдается денежное пособие [Уханов, 1932, с. 44]. Казанский мухтасибат занимался оказанием помощи беспризорным детям, что, например, ярко проявилось на съезде мусульманских приходов и духовенства города 20 мая 1923 г. Еще ранее на одном из собраний имамов Казани 17 сентября 1922 г. также обсуждались вопросы открытия приюта для детей мусульман и создания благотворительного общества [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 591, л. 52].

Для укрепления своих позиций в обществе мусульманские общины и духовенство вели и активную пропагандистскую работу среди населения. В условиях усилившейся атеизации и насаждаемого безбожия в обществе такое направление деятельности было достаточно актуальным.

В этом отношении деятельность общины распространялась прежде всего среди мусульманской молодежи. Она была той прослойкой общества, которая была наиболее подвержена идеологическому разрыву с религией. Старшее поколение мусульман продолжало традиционно соблюдать обряды и жить по предписаниям исламской морали.

Основным методом приобщения молодежи к религии естественно служили религиозные школы. Кроме этого, активные деятели общины принимали со своей стороны ряд мер, направленных на привлечение населения в мечеть. Так, некоторыми практиковалось использование мечети одновременно как здание культа и как клуб, в котором собиралась молодежь.

Также формой общественного влияния была пропагандистская работа духовенства среди женского населения. Характерным проявлением этого стало создание женского мутаваллията при 12-й мечети г. Казани. В этой области получила известность деятельность имам-хатыба этого прихода Гаяза Якупова. Он еженедельно собирал женщин в мечети на проповедь, в которой затрагивал актуальные семейно-бытовые вопросы, такие как взаимоотношения с мужем, воспитание детей и др. [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 172, л. 20–21]. Женский мутаваллият ставил перед собой задачи просвещения женщин, уравнивания их в правах с мужчинами при посещении мечети и т. д. Помимо религиозной деятельности, имам Якупов агитировал своих прихожанок участвовать в выборах.

Собеседования с женщинами также практиковал имам С. Иманкулов, который собирал их в мечети два раза в неделю. Своей проженской позицией в спорах духовенства был известен мухтасиб Агрызско-Елабужского района Я. Адутов. В мечетях Агрыза он периодически проводил собрания женщин, где призывал их ходить в мечеть и приводить своих детей, держать *уразу* и соблюдать другие обряды.

Практиковались также собрания женщин, проводимые женами мулл — *абыстай* — на дому. Такие встречи представляются государственными и партийными органами как новая форма работы мусульманских организаций, направленная на «идеологическую обработку» населения.

Таким образом, до конца 1920-х гг. мусульманские общины продолжали свою деятельность с известной долей свободы, не ограничиваясь лишь проведением богослужения в мечети. Община боролась за контроль над системой образования, оказывала влияние на различные слои общества, принимала меры к улучшению своего социально-экономического положения. В целом активность мусульманских общин в этот период была достаточно высока.

В 1920-е гг. сохранялись и такие структуры махалли, как духовенство и мечеть. Несмотря на то, что духовенство было ограничено в гражданских правах и подвергалось усиленному налогообложению,

приходские имамы оставались той силой, которая не только осуществляла религиозное руководство, но и активно участвовала в общественной жизни. Мечеть оставалась в пользовании верующих, хотя и была государственным имуществом.

До середины 1920-х гг. количество мечетей и приходов продолжало расти. 1927 год стал своего рода рубежом мечетного строительства, после которого численность приходов начала сокращаться. К тому времени количество мусульманских приходов в Татарстане составляло около 2000, а имамов и муэдзинов — около 4000.

Революция 1917 г. изменила финансовую систему существования мусульманских общин, хотя ее отдельные элементы в 1920-е гг. еще существовали. Приходы потеряли финансовую самостоятельность в ведении своих дел. Главной причиной такого явления, конечно, стало то, что был разрушен институт попечительства махалли, в котором большую роль играли представители мусульманской торгово-промышленной буржуазии.

Последние, в свою очередь, уже в первые годы советской власти подверглись жестким преследованиям и репрессиям, их имущество и капиталы были национализированы. В результате многие купеческие семьи оказались в эмиграции. Уничтожение мусульманской буржуазии как класса стало решающим фактором в процессе разрушения прежней системы экономического самообеспечения общин.

Большую роль в потере финансовой базы махалли сыграла политика государства как в регулировании видов деятельности общин, так и в области их налогообложения. В 1920-е гг. государство законодательно контролировало финансовые потоки в религиозном обществе. Однако на практике подобный контроль был невозможен в силу различных обстоятельств. Вообще источниковая база для изучения проблемы религиозных сборов в мусульманской общине очень скудна. Гипотетически можно предположить, что мусульмане и в советское время продолжали традиции пожертвований в пользу мечети или духовенства. Это подтверждают отдельные документальные материалы.

Например, Информсводки ОГПУ 1920-х гг. отмечали, что духовенством ведется агитация по сбору обязательного натурального налога для различных целей. В одной из них от 26 сентября 1922 г. сообщалось о том, что в Казани ведется сбор денег в пользу ДУМ, в чем большую активность проявляют городские муллы [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 591, л. 52].

Материальная необеспеченность большинства духовенства заставила ЦДУМ летом 1924 г. выпустить воззвание к верующим с предложением организовать религиозный фонд. Из этого фонда предлагалось распределять средства на обеспечение духовенства, ремонт мечетей и другие религиозные нужды [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 918, л. 155]. В том же году имам-мухтасиб из Атни С. Максудов пред-

ложил муллам и населению произвести ‘ушр (тат. *гошер*) коллективно, а не отдельно каждым имамом. Из этих средств он предлагал покрывать нужды Духовного управления и мухтасибата, а оставшуюся часть разделять пропорционально среди духовенства [там же]. Традиция отдавать мечети одну десятую часть урожая (‘ушр) практиковалась главным образом в селах, где были авторитетные муллы или ишаны. Например, такой сбор производился во многих местах Буинского кантона, одного из наиболее религиозных кантонов Татарстана [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 918, л. 208].

Указывается, что при малом количестве посещающих мечеть приходские советы работают, муллы содержатся, молитвенные здания отапливаются и освещаются [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 1333, л. 186–187]. Ф. Сайфи в докладе о работе Мамадышском кантоне пишет о том, что «десятинное собиране мулл — явление редкое в других кантонах, но в Сабах процветает...» [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 1347, л. 96].

Сводка ОГПУ о политическом состоянии республики за апрель — июнь 1925 г. отмечает, что при больших пожертвованиях в пользу духовенства крестьяне отказываются от содержания учителя и «самые мизерные вклады давали на постройку памятника Ленину [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 1378, л. 13]. Принудительные сборы имели место в деревне Аштыбаш Арского кантона, где мулла угрожал отказом в посещении мечети тем, кто не будет платить страховые взносы [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 72, л. 36].

Можно сказать, что в начале 1920-х гг. финансовые вложения все еще производили зажиточные крестьяне на селе и торговцы в городе. Институт попечительства махалли, хотя не в прежнем виде, еще продолжал существовать. Тот же Ф. Сайфи отметил, что почти каждая из 47 мусульманских общин Сабинской волости имела от 3 до 5 попечителей: «Попечитель для мусульманского клерикального движения — самый сильный инструмент. Обыкновенно в попечители избирают крестьянина, сильного хозяйством и авторитетного среди населения, с большим религиозным уклоном» [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 1347, л. 96].

Большое внимание к делам махалли оказывали представители татарской буржуазии в Казани. Так, в одной из сводок ОГПУ хозяйственная комиссия Казанского мухтасибата названа «официальным представительством» национальной буржуазии в этом религиозном органе [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 1378, л. 34].

Практически на всех мухтасибатских съездах поднимались вопросы материального благосостояния мечети или мухтасибата. Так, осенью 1925 г. на съездах 2-го и 4-го мухтасибата Челнинского кантона приняли смету на содержание регионального управления [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 72, л. 61].

Сводки ОГПУ и в дальнейшем продолжали информировать о финансовых потоках в махалле. В марте 1927 г. в мечетях Агрыза муллы

призывали платить *гошер* и *фитр*. В д. Табарли Елабужского кантона при участии членов сельсовета на религиозные нужды был произведен сбор по половине пуда хлеба с дома. В д. Терси того же кантона сельсовет предоставил для мечети 1,5 десятины леса. В д. Служилая Ура Арского кантона верующие вынесли постановление о сборе в пользу мечети с середняков по 1 рублю и с бедняка по 50 копеек. В д. Булым-Булыхчи Тетюшского кантона в 1-м приходе на содержание мечети и другие нужды собрали 1 пуд зерна со двора, а во 2-м приходе — 2–3 пуда [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 355, л. 7, 12, 14].

Однако утверждение советской власти и последовавшие в конце 1920-х гг. коренные преобразования во всех сферах общественной жизни оказали мощное воздействие на принципы организации и существования мусульманской общины, обусловив коренную трансформацию ее институтов, разрушив традиционные конфессиональные связи и традиции.

Прежде всего к 1927 г. власть перекрыла возможность просветительской деятельности махалли. В январе 1927 г. АПО ЦК ВКП(б) был подготовлен проект постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О мерах борьбы с мусульманским религиозным движением», в котором, в частности, предлагалось резко ограничить возможности обучения исламу и подготовки священников. В мае 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принял решение о закрытии мусульманских религиозных школ [Нуруллаев, 1999, с. 137], а затем Президиум ЦИК СССР отменил постановления о мусульманском вероучении [Архив УФСБ по РТ, ф. 109, оп. 9, д. 19, л. 58].

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. разрешало преподавание религии исключительно на специальных богословских курсах, открываемых с особого разрешения НКВД и ЦИК. Никаких собраний и групп по изучению вероучения не допускалось. Но даже этим правом мусульманские приходы воспользоваться не могли, т. к. репрессии подавили одну из составляющих мусульманского образования — мусульманское духовенство.

Таким образом, система мусульманского образования была окончательно разрушена. Получение религиозных знаний стало практически недоступно как в дошкольном, так и в школьном возрасте.

Вообще точку в определении функций религиозного общества твердо поставило Постановление «О религиозных объединениях» и Инструкция НКВД РСФСР «О правах и обязанностях религиозных организаций». В Инструкции впервые прописывалось то, чем общинам заниматься было запрещено:

«а) создавать кассы взаимопомощи, богадельни, приюты, странноприимные дома, общежития для бедных, похоронные кассы и т. п.;

- б) организовывать кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей;
- в) оказывать материальную поддержку членам религиозного объединения;
- г) организовывать специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания;
- д) организовывать общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы и т. п.;
- е) устраивать экскурсии и детские площадки;
- ж) открывать библиотеки и читальни;
- з) организовывать санатории и лечебную помощь» [Бюллетень НКВД РСФСР..., 24.10.1929, № 37(338), с. 691].

Таким образом, компетенция религиозных общин, теперь уже в рамках закона, сужалась до удовлетворения религиозных потребностей в молитвенном здании. Это вытесняло религиозные организации из всех сфер общественной жизни, где они могли действовать ранее. Анализ источников показывает, что в 1930-е гг. такое сужение функций произошло не только юридически, но и практически.

С этого времени в стране начались масштабные хозяйственные и политические кампании, которые привели религиозные общины к критическому состоянию. Нельзя говорить о наличии активной деятельности религиозных общин в 1930-е гг. Основным содержанием деятельности мусульманских приходов, исходя из анализа документов, является только отправление богослужения в мечети и совершение обрядов. Участие населения в религиозных праздниках и повседневных обрядах было практически единственным показателем религиозного движения. Отмечается, что во всех мусульманских районах население соблюдает пост *ураза*, забивает скот в день праздника *Курбан-байрам* и др. Религиозная обрядовость мусульман не смогла устраниваться административными мерами. Сводки ОГПУ отмечают большую посещаемость мечетей, особенно в дни мусульманских праздников. Так, в 1935 г. в дни *Курбан-байрам* все три мечети д. Б. Нурлаты были переполнены. В том же году в дни *Ураза-байрам* Азимовскую мечеть Казани посетило около 500 человек, в Ново-Татарской слободе — 800, Белую мечеть — до 1000 [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 3, д. 865, л. 63]. Причем 20 % верующих составила казанская молодежь.

При отсутствии активных форм религиозной деятельности, какие имели место в 1920-е гг., даже наличие коврика-*намазлык* или *кумгана* в татарских семьях выставлялось в отчетах районных парткомов как проявление религиозного движения. Борьба с такими «пережитками»

была одним из главных направлений антирелигиозной работы. В 1936 г. Центральный совет СВБ предложил решительно бороться с обрядом обрезания в Татарии.

С конца 1920-х гг. отсутствует и информация о финансовой базе махалли. Вследствие коллективизации, раскулачивания, репрессий, финансовая система жизнеобеспечения махалли разрушалась.

Эти процессы, во-первых, ликвидировали зажиточный класс, который традиционно оказывал значительную финансовую помощь приходу, во-вторых, подавили религиозное сознание верующих, которые теперь и материально не могли (не хотели) поддерживать религиозное общество.

Данные о каких-либо пожертвованиях в пользу мечети в 1930-е гг. единичны. В д. Дюсум Сармановского района не раз срывались антирелигиозные лекции из-за того, что клуб, в отличие от мечети, не отапливался и не освещался. Сборы на налоги служителей культа, ремонт и арендную плату, содержание духовного управления и помощь семьям репрессированных мулл проводились в д. Пшалым Арского района (1937) [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 4, д. 762, л. 16].

Таким образом, экономическое положение мусульманских приходов, как и правовое положение, зависело от политического состояния страны и его законодательства. Если в 1920-е гг. финансовые поступления в общины еще имели место в разных формах, то в 1930-е гг. их экономическая самостоятельность практически была сведена к нулю.

В 1930-е гг. махалля, естественно, имела финансовые вливания только в тех местах, где были мечеть и соответственно зарегистрированное религиозное общество. Поэтому целенаправленная и масштабная кампания по закрытию мечетей была также одним из направлений борьбы власти с религией и влиянием духовенства, с религиозной общиной.

Закрытие религиозных зданий началось с первых лет советской власти. В конце 1920-х гг. нормативные акты еще более упростили этот процесс. Регламентирующими документами в этом направлении были постановление ВЦИК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и инструкция Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК от 16 января 1931 г. «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах». При этом реальный процесс расторжения договоров и закрытия культовых зданий совершенно не учитывал требований законодательства и повсеместно сопровождался произволом властей и партийных органов. Начало и дальнейшая эскалация данного процесса совпали с широкомасштабной промышленной индустриализацией в стране и коллективизацией сельского хозяйства. Массовое закрытие мечетей продолжалось вплоть до самого начала Великой Отечественной войны.

Кампания по закрытию культовых зданий, развернувшаяся в конце 1920-х гг., ознаменовала собой начало решительного разрушения традиционных отношений в локальных мусульманских общинах и была призвана подготовить необходимую идеологическую и социальную почву для проведения сплошной коллективизации в сельских районах. Массовое закрытие мечетей привело к ликвидации самого религиозного общества, которое уже утратило даже стремление к финансовой самостоятельности.

Кроме этих процессов большое влияние на процессы трансформации мусульманской общины в конце 1920–1930-х гг. оказало разрушение института мусульманского духовенства. Советским правительством изначально была поставлена задача его нейтрализации и устранения из общества. Уже первыми декретами советской власти церковные служители были ограничены в своей деятельности и стали лишь исполнителями обрядов среди населения. Сразу же духовенство было лишено и избирательных прав, что не позволяло ему участвовать в общественно-политической жизни страны.

Ограничения в области гражданских прав не стали единственной формой давления на духовенство. В 1920-е гг. основным методом нейтрализации служила экономическая политика. Система налогообложения с завышенными для этой категории нормами позволяла ограничить духовенство в материальных средствах.

Одним из серьезных последствий правовых и экономических ограничений государства стал массовый отказ религиозных деятелей от своих духовных обязанностей. Отход духовенства от религиозной деятельности — важный фактор для понимания процессов трансформации мусульманской общины 1920–1930-х гг.

Это явление началось с первых лет установления советской власти. Обычно массовый отказ от сана наблюдался в периоды ужесточения политики государства по отношению к духовенству, ухудшения материального и общественного положения священнослужителей. Так, первые массовые отказы от духовных должностей появились сразу после октября 1917 г. В Татарстане за первые годы советской власти от религиозной должности отошли свыше 200 мулл [Маторин, 1929, с. 145]. Новый импульс этот процесс приобрел после окончания Гражданской войны, когда были введены новые ограничения на деятельность духовенства и ужесточилась налоговая политика.

Говоря о причинах отказа от религиозной должности, необходимо заметить, что в документах контролирующих органов, в частности ОГПУ, практически не упоминается идеологический разрыв с религией. Это были единичные случаи, как правило широко освещаемые на страницах печати.

Однако основные причины снятия сана крылись в социально-экономическом положении духовенства. Оно облагалось увеличенными

налогами, было лишено избирательных и других гражданских прав, недоступны были социальные блага и для членов их семей. Отказ от должности позволял восстановиться в правах и участвовать в общественной жизни. Поэтому многие предпочли стать наравне с остальными гражданами, чем быть «лишенцем».

Социально-материальная незаинтересованность духовенства при официальном нахождении в должности стала основной причиной отказа от нее. Часть мулл навсегда порвала, таким образом, с исполнением обязанностей в приходе. Однако некоторая часть духовенства использовала такое положение для неофициального отправления обрядов.

Динамику этого процесса проследить довольно сложно из-за отсутствия статистических материалов. По официальным данным, этот процесс усиливался во время выборов, когда официальный разрыв с религией давал людям доступ к участию в общественной жизни. Эта тенденция также широко использовалась официальной пропагандой для демонстрации деятельности духовенства [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 1347, л. 92].

Среди социально-экономических причин отказа от религиозной должности на первом месте стоит невозможность уплатить все налоги. В такой ситуации материальную поддержку духовным лицам иногда оказывало само население, выделяя своему хазрату денежную или натуральную помощь. Однако в тех приходах, где это было невозможно из-за бедности прихожан или активных контрмер сельских органов власти, сложение сана стало единственным выходом из сложившейся ситуации. В мечети с. Мелля-Тамак Мензелинского кантона имам-хатыб заявил следующее: «Мы, муллы, служим для вас и для сохранения религии в будущем. Если нам, муллам, в силу тяжести налогов и прочих сборов в будущем придется отказаться от сана, то вашу мечеть превратят в клуб. Погребение, бракосочетание тогда производиться не будет» [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 524, л. 99]. Часто причиной отказа от сана указывались социальные ограничения в отношении семьи муллы, в частности невозможность обучения его детей в школе.

Огромный размах этот процесс принял в конце 1920-х гг. Политика раскулачивания стала главной причиной массового отказа духовенства от должностей. К социальным и материальным лишениям в этот период добавились новые методы борьбы с духовенством. Официальный разрыв с религией стал единственным выходом спасти себя и семью от раскулачивания. Партийными органами признавалось, что причиной отказа от сана послужили прежде всего социально-экономические лишения: «Материальное неблагополучие, а также гражданское бесправие, невозможность обучения своих детей в советских учебных заведениях и единично идейный отход от религиозных убеждений — вынудили часть духовенства отречься от сана и начать трудовую жизнь»

[ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 524, л. 99, л. 96]. В 1928–1929-х гг. было отмечено 150 случаев отказа от должности среди мусульманского духовенства. Сами муллы иногда призывали к массовому отказу от сана. Это, по их мнению, заставило бы правительство пойти на определенные уступки. Мулла д. Альметьево Челнинского кантона Валеев заявил: «Мы, муллы, в настоящее время все вместе одновременно должны отречься от сана, иначе освободиться от налогов нельзя» [ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 524, л. 100 об.]. Подобная тенденция была отмечена во многих кантонах республики. В Шонгутской волости Буинского кантона к такому выходу из положения было готово сразу 19 мулл.

Нарушения религиозного законодательства вошли в норму в конце 1920-х гг. и тогда же были практически узаконены. В это время духовенство подверглось новым социальным и экономическим лишениям. В ходе коллективизации и раскулачивания оно было официально поставлено в разряд кулаков. Это позволило не только полностью лишить духовенство источников к существованию. Политика раскулачивания стала поводом для нейтрализации или уничтожения наиболее активных религиозных деятелей. Лишенное гражданских прав и материальных средств, духовенство в конце 1920 — начале 1930-х гг. значительно утратило свой потенциал.

В 1930-х гг. очередной удар по положению духовенства был нанесен кампанией закрытия религиозных зданий. С потерей мечети приход переставал существовать, а служитель общины терял источник дохода и вынужден был заканчивать духовную деятельность. Кроме этого, не было облегчено налоговое законодательство в отношении духовенства, оставались в силе все ограничения социального плана.

Таким образом, социально-экономические ограничения были одним из направлений политики государства в отношении духовенства. Гражданское бесправие, повышенные налоги, раскулачивание стали одной из причин уменьшения численности духовенства и снижения его роли в обществе.

Однако главным фактором, повлиявшим на институт мусульманского духовенства, стали политические репрессии. Первая массовая волна репрессий против духовенства началась в самом конце 1920-х гг. Тогда страна приступила к форсированному преобразованию государства во всех его сферах деятельности. Печальные последствия проводимая политика имела в сельской местности, где коллективизация и связанные с ней процессы были направлены на слом традиционного уклада жизни, разрушение крестьянского общинного мировоззрения, в том числе и религиозной идеологии.

Политика «ограничения и вытеснения кулачества экономическими методами» сопровождалась применением административно-репрессивных мер при проведении важных хозяйственно-политических кампаний. Постоянно подчеркивалось, что хозяйство служителей

культа также является кулацким. С этого времени карательная политика советской власти была направлена уже не столько против духовенства в целом, сколько против его представителей как «участников» антиколхозного движения. Практически все осужденные в 1929–1932 гг. служители культа обвинялись в противодействии колхозной и другим хозяйственным кампаниям и организации с этой целью кулацких группировок. В этот период религиозная деятельность была фактически приравнена к антиколхозной, особенно в тех случаях, когда не имелось достаточных фактов участия духовенства в сопротивлении организации колхозов.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. ОГПУ ТАССР было сфабриковано несколько групповых дел по так называемым «мульско-купеческим контрреволюционным образованиям». Репрессии были начаты на основе директив о массовой операции по ликвидации кулачества и охватили все районы республики. Директивы ОГПУ коснулись не только села. Учитывая «оживление городской контрреволюции», работа развернулась и в городах (например, репрессии против влиятельного духовенства и буржуазии столицы, объединенных в «мульско-купеческую группу г. Казани»).

В результате массовых репрессий конца 1920-х — начала 1930-х гг. было физически уничтожено или устранено значительное количество духовенства всех конфессий и по всей стране. Только «тройкой» ГПУ — НКВД ТАССР в 1929–1938 гг. было осуждено 802 представителя мусульманского духовенства Татарстана¹. Мусульманское духовенство утратило наиболее активную и образованную часть религиозных деятелей, на смену которым приходили неквалифицированные имамы, что принесло с собой невосполнимую утрату мусульманского наследия татарским обществом. Несмотря на то, что некоторые муллы сумели возвратиться на родину после концлагерей и ссылок, многие из них не вернулись к своим прежним обязанностям. Но и те и другие в середине 1930-х гг. оказались жертвами уже более суровых репрессий.

О потерях среди духовенства можно косвенно судить лишь по количеству оставшихся официально исполняющих обязанности. В результате естественной убыли, отказа от должности и репрессий количество мусульманского духовенства Татарстана к началу 1930-х гг. сократилось почти в 4 раза: если к 1927 г. число мусульманских служителей культа варьировалось от 3600 до 3900 (т. е. практически не изменилось), то к 1934 г. указных имам-хатыбов и муэдзинов осталось около 1000 (по официальным данным — 1555, но в это число были включены «лапотные», «бродячие» и снявшие сан).

Пиком репрессивной политики Советского государства стал 1937 г. Ряд партийных решений, постановлений правительства, прика-

1 | Сведения даны по: [Багавиева, 2003, с. 155]. К сожалению, до сих пор не установлено точное количество репрессированного духовенства (не только «тройками»).

зов силовых ведомств вывели ее на новый уровень, когда физическое уничтожение людей достигло беспрецедентных масштабов. Как и прежде, сильно пострадало духовенство всех конфессий. В ходе «кулацкой операции» в Татарстане было репрессировано значительное количество мусульманского духовенства. К тому времени было практически уничтожено высшее духовенство — старое руководство ЦДУМ.

Несмотря на общее снижение количества репрессий в последующем, в 1938 г. появляются новые тенденции в карательной политике по религиозно-национальным мотивам. В этот период число дел с участием духовенства снова увеличивается, что было связано с деятельностью карательных органов в направлении разработок по так называемым филиалам организации «Идель-Урал». В ходе установок на выявление общереспубликанского заговора, составной частью которого должны были стать названные филиалы, люди из числа мусульманского духовенства ликвидировались как их идейные руководители.

Репрессии 1930-х гг. полностью изменили социально-культурную и численную характеристики мусульманского духовенства. Аресты и расстрелы тысяч имамов привели к значительной утрате преемственности религиозных традиций между поколениями.

Таким образом, 1920–1930-е гг. привели к глубокой трансформации мусульманской общины. Сама махалля перестала быть самоуправляющейся мусульманской общиной с особой организацией жизненного уклада. Она лишилась финансовой основы существования. Один из ее институтов — конфессиональная школа — полностью исчез из структуры махалли. Она превратилась в религиозное общество, зарегистрированное или неофициальное, в которое верующие объединялись для исполнения религиозных обрядов. Существование такого религиозного общества в течение последующего периода поддерживалось либо наличием мечети, либо присутствием лица, проводившего обряды.

Список источников и литературы

- Архив Управления Федеральной службы безопасности по Республике Татарстан.
Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).
Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ).
Багавиева С.С. *Политические репрессии в советском Татарстане (1918 — начало 1950-х гг.): Дисс. на соиск. ст. канд. ист. наук. Казань, 2003.*
Бюллетень НКВД РСФСР. 24.10.1929. № 37(338).
Копия устава духовной организации мусульман РСФСР (утв. НКВД 30 ноября 1923) // *НА РТ.* Ф. Р–732. Оп. 6. Д. 133. Л. 107–110.
Маторин Н. *Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь.* М., 1929.
Набиев Р.А. *На путях научного мировоззрения.* Казань, 1991.
Нуруллаев А.А. *Ислам и мусульмане России в условиях советского режима // Ислам и мусульмане в России.* М., 1999.
Уханов А.С. *Социалистическое наступление и религия.* Казань, 1932.